

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ШАНСЫ НА ИЗМЕНЕНИЯ

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

Модернизация политической системы: с чего начать?

Сегодня с самых высоких трибун — все более открыто и все более громко — констатируется накопление признаков политического застоя в нашем обществе. Это — знаменательный факт. Правда, о движении к застою неангажированная научная общественность говорила и писала уже не один год. И для этой научной общественности названная констатация не содержит, естественно, никакой прелести новизны. Новизна состоит, пожалуй, только в том, что теперь это озвучено с высоких трибун. И это обстоятельство дает возможность более масштабно, более основательно и более откровенно рассматривать эти вопросы в СМИ, на телевидении, в научных публикациях.

Рассмотрение этих вопросов особенно важно в контексте активно ведущихся сегодня разговоров о технологических инновациях и модернизациях. Дело в том, что совершенно невозможно себе представить развертывания инновационных технологических процессов в атмосфере нарастающего политического застоя и общественной апатии. Наивно ждать от впадающего в спячку общества чудес активности, инициативности, изобретательности в технологических сферах. Иначе говоря: преодоление политического застоя и социальной апатии есть необходимая **предпосылка** возможных в дальнейшем инновационных прорывов во всех прочих областях социальной деятельности общества. И, следовательно, если желать быть реалистичным, конструктивным и последовательным, то надо **вначале** преодолеть застой, общественную апатию и лишь **потом** приступать к инновационным и модернизационным программам. Нужна, стало быть, прежде всего, выработка стратегии преодоления застойных явлений в политической системе. А это означает понимание причин застойных явлений, выявление тех шагов, что вели к застою, разработку способов устранения этих причин, характеристику форм преодоления застоя.

Часть этих причин и этих шагов видна, что называется, невооруженным глазом, лежит на поверхности. С высоких трибун, о них, правда, не говорят (а если иногда и говорят, то как-то вскользь, неполно и смутно), но научная общественность давно на них указала. Это инерция действия ряда законов, указов, предписаний, принимавшихся где-то начиная с 2002 — 2004 годов. Все эти политические новации, которые, может быть, и имели поначалу какую-то оправ-

данность как способы ограничения политической анархии конца 90-х годов, но которые, набрав инерцию и расширяясь, так «стабилизировали» ситуацию, что «стабильность» превратилась в барьер на пути общественного развития. Это закон о партиях, делающий крайне затруднительным создание новых партий и не дающий возможности развиваться партиям, только-только начинающим свою жизнь. Это многочисленные поправки в избирательную систему: введение 7-процентного барьера, отсекающего молодые партии от участия в парламентской деятельности, устранение из бюллетеней графы «против всех», ликвидация процента, необходимого для того, чтобы считать выборы состоявшимися, ликвидация одномандатных выборов (дававших шанс беспартийным гражданам становиться депутатами), переход от выборов региональных руководителей к их, по сути, назначению. В результате происходит превращение правящей партии в монопольного правителя, ее, по сути, слияние с государственными структурами (по образцу КПСС), превращение молодежной организации «Наши» в такую же монопольную государственную молодежную структуру, в которой их бывший лидер становится молодежным министром — нечто напоминающее комсомол брежневских времен (только в многократно ухудшенном варианте), увеличение сроков президентского и думского правления и т.д., и т.д.

По-видимому, надо, прежде всего, немного «подать назад» от этих «вертикально-стабилизационных» мер. И в общем-то в этом направлении работает мысль в верхних эшелонах власти. Вот уже прозвучали идеи немного ослабить пути 7-процентного барьера: партиям, получившим свыше 5% голосов на выборах, давать 1 — 2 депутатских мандата. Но, конечно, это очень робкие и мало что дающие предложения: что значат 1 — 2 мандата на фоне подавляющего большинства правящей партии (там, ведь, даже нынешние фракции по 30 депутатов мало что значат)?

Можно еще указать на ряд явлений застоя из разряда «видимых невооруженным глазом» и едва ли не очевидных для всех добросовестных людей. Это стреноженные чиновничьими структурами и олигархическом капиталом СМИ — то, о чем сказал недавно Леонид Парфенов и о чем, конечно, практически все знают. Лекарства от этой застойной болезни хорошо известны: создание СМИ, которые были бы органами, рупорами организаций гражданского общества (а они вправе требовать выделения на свою деятельность средств из бюджета, наполняемого, между прочим, этим самым гражданским обществом).

И еще об одной, тоже практически очевидной, вещи. О ней, кстати, тоже иногда (и тоже мельком) говорится в высоких речах, но для ее реализации мало что реально делается. Это споспешествование

формированию институтов и структур гражданского общества. Только реальных, а не имитационных, вроде Общественной палаты, структуры, может быть, и небесполезной в функционировании политической власти, но органом гражданского общества (как заявлялось в намерениях) не являющейся. Речь идет не о структурах «при»: при президенте, при губернаторе, при том или ином руководителе. В общем — без всяких «при». Разве что — **при** «гражданском обществе». И субсидирование их деятельности должно осуществляться тоже из собираемого этим «гражданским обществом» бюджета.

Пока речь шла о вещах очевиднейших, о самых первых шагах наступления на ситуацию застоя, о вещах в общем-то при желании и наличии политической воли достаточно легко осуществимых. Но есть факторы, детерминирующие движение к застою, гораздо менее очевидные, но гораздо более важные, чем перечисленные выше, их устранение связано с исключительными трудностями. Таких факторов немало, и это тема особого и подробного разговора. Обозначу — для более ясного представления, о чем идет речь — только два из них.

Первое. Действительная демократия, действительное народное правление (этот антипод авторитарного застоя) возможны только там, где существует приблизительное социальное и материальное равенство людей, там, где нет всевластия, самодержавия крупного олигархического капитала и мощного административного ресурса неподконтрольной обществу бюрократии. И здесь чрезвычайно важное, если не решающее, значение имеет резкое сокращение существующего сегодня в России так называемого децильного коэффициента, т.е. отношения дохода 10% самых богатых людей к 10% самых бедных. Общеизвестно, что нормальное развитие общества происходит тогда, когда этот коэффициент не превышает 6 — 7 раз. У нас же, даже при чудовишно заниженных полуофициальных данных, он составляет 14 — 16 (по другим, более близким к реальности подсчетам, он приближается к 40 — 50, а то и больше). В любом случае — это катастрофический разрыв, это преддверие большой социальной беды. Я не могу здесь и сейчас касаться того, как начать сокращение этого разрыва, этого коэффициента. Я пока только выдвигаю эту задачу. Я пока говорю только, что без ее решения невозможны ни преодоление застоя, ни избавление от общественной апатии, ни успешная борьба с коррупцией и криминализацией государственного аппарата. А без решения этих задач, в свою очередь, невозможны ни инновации, ни модернизации. Без всего этого разговор об этих прекрасных и возвышенных вещах — о модернизационных скачках — не более, чем (вспомним Гамлета!) «слова, слова, слова...».

И второе. В пространстве обсуждаемой тематики существует еще одна громадная задача. Она звучит не столь возвышенно, как разговор о «технологических инновациях», но она несравненно важнее. Я имею в виду задачу сосредоточения максимального объема сил, усилий, финансов на решении (и в кратчайшие сроки!) **жилищного вопроса** граждан России. Сегодня получить крышу над головой для многих семей, особенно молодых, — абсолютно нерешаемая проблема. Лужковская администрация регулярно, с пафосом, рапортовала общественности о ежегодном введении в строй многих миллионов квадратных метров жилья. Только основная часть их — по 4 тысячи долларов за метр.

Над «хрущобами» принято сегодня посмеиваться: потолки низкие, удобства малые, архитектура примитивная, стены панельные. А Хрущев построил миллионы действительно народных (т.е. бесплатных) квартир, вытащив огромное число людей из подвалов, бараков, коммуналок. Он туда бросил громадные средства. Не на 200-метровые яхты для услаждения «избранных» семейств, не на покупку зарубежных футбольно-баскетбольных клубов, не на строительство полей для гольфа, не на возведение горнолыжных курортов в сказочных субтропических местах. Он думал о простых людях, о бедных и несчастных своих согражданах. И хвала ему за это. Вот я сегодня и думаю: отставить бы на какое-то время в сторону все великие, амбициозные многомиллиардные проекты и вложить максимальный объем средств в жилищное строительство для народа. Ведь право на жилье — это, по сути, право на жизнь. И пусть даже будут квартиры «по-хрущевски» не слишком шикарные, но, как когда-то — бесплатны (или по доступным ценам для людей, получающих 15 — 30 тысяч рублей в месяц). И тогда не нужны будут бесконечные (и пустые сегодня) разговоры о демографических проблемах, а талантливым людям (будущим субъектам модернизации) не надо будет ни убивать все свои силы на то, чтобы накопить на квартиру, ни бежать на Запад, в надежде там получить крышу над головой и возможности для творческой деятельности.

И еще одно направление модернизации политической деятельности: органическое вхождение в политику принципов морали, нравственности, превращение политики в «нравственную политику». Но что это значит и вообще возможно ли это? Вопрос непростой, требует тонкого и внимательного анализа. Попробуем же ответить на него.

Нравственная политика — утопия или реальная возможность?

Проблемы и вопросы тут начинаются с первых же прикосновений к теме. Так, проблема — уже в самом этом словосочетании:

«нравственная политика». В нем как бы соединяется несоединимое, сочетается несочетаемое. Понятия в нем как будто не сочетаемы по определению. Мы знаем (уже со времен Платона и Аристотеля), что политика есть способ согласования интересов людей в обществе при опоре на государство, политическую власть, на то, что Макс Вебер впоследствии назовет легитимным насилием. Таким образом, насилие в политике есть ее существенный атрибут (насилие здесь может быть прямым, непосредственным или выступать в качестве угрозы).

Нравственность, или мораль, тоже есть способ согласования интересов людей в обществе, но на основе ненасилия. Поэтому само выражение «нравственная политика» кажется оксюмороном, бессмыслицей, ведь получается что-то вроде «насильственного ненасилия» или «ненасильственного насилия», вроде как «жидкая нежидкость» или «нежелезное железо».

Вот эту кажущуюся несовместимость, несочетаемость в свое время четко и громко зафиксировал знаменитый флорентийский мыслитель Никколо Макиавелли в своей работе «Государь», где он предопределил на столетия тип размышления над этой проблемой. Он зафиксировал, что есть политика со своими законами, пространство политики и есть нравственность со своими законами. Эти «пространства», эти «законы» не пересекаются, не взаимодействуют. Согласно Макиавелли и многим его последователям (а он сейчас становится все более популярным и многие мои студенты, будущие политики, просто обожают Макиавелли и восхищаются его формулами), политик не должен сверяться с нравственными императивами. Он не должен думать — щедр он или скуп, зол или добр, лжив или правдив. Это все — для ситуаций из частной жизни, а для политика важна политическая эффективность, «эффективное» решение политических и социальных проблем. По Макиавелли, политика не должна быть ни нравственной, ни безнравственной. Она просто не нравственная. Политика должна достигать поставленной цели любыми — нравственными или не-нравственными — средствами («цель оправдывает средства»!).

Эти построения поначалу кажутся впечатляющими и убедительными для моих студентов. Но когда Макиавелли начинает приводить примеры такого рода политики, примеры, связанные с массой злодейств, лжи, убийств, с помощью которых политики достигают этих целей, когда он формулирует суть политика, говоря, что он «полузверь-получеловек», то здесь интуиция, душа и сердце моих юных слушателей, которым нравится Макиавелли, отвергают его утверждения, что-то мешает им их принять. В общелогическом виде тезисы флорентийского мыслителя принимаются, а вот примеры

(реальность, конкретика политического действия в духе Макиавелли) — нет. И в своих эссе мои будущие политики взволнованно, откровенно и немного растерянно об этом пишут.

Я слышу тут немую мольбу, обращенную ко мне как к преподавателю: ну скажите же нам, неужели это действительно так? Неужели мы обречены? Неужели невозможно в политике оставаться нравственным человеком?

Нравственная политика как реальная возможность

Начнем свой ответ с того, что политика и мораль, политика и нравственность — это не разные сущности, а атрибуты, стороны некой единой сущности. Какой? Деятельности социального человека, это — пространства его деятельности, пространства, переходящие друг в друга. Именно в деятельности социального человека они соприкасаются, сопрягаются, соединяются. Это не разные, это — сообщающиеся сосуды, это теснящие друг друга пространства в истории, истории, в которой, по мере ее развития, в порядке общего правила (хотя и не без некоторых исключений) расширяется пространство ненасилия и сужается пространство насилия. **Нравственная политика — это политика, ограниченная нравственностью.** Нравственной можно назвать ту политику, которая стремится **максимально для данных исторических условий минимизировать насилие.** Нравственный политик — это тот, кто прекрасно понимает, что в современном обществе, где есть различие интересов, их антагонизм, без насилия, без политического не обойтись, иначе он — не политик. Но вместе с тем нравственный императив требует от этого политика максимально минимизировать насилие применительно к данным условиям, следуя девизу: «ненасилие насколько возможно, насилие насколько необходимо», при этом насилие — в максимально мягких и гуманных для данного времени формах.

Нравственный политик — тот, кто постоянно думает о границах и мере насилия, о его максимальном снижении и сужении, о цене прогресса, о человеческой составляющей в развитии. Ненравственный политик — политик, максимизирующий насилие, возводящий его едва ли не в абсолют (в духе принципа: «Лес рубят, щепки летят!»). Ненравственный политик вообще исключает из сферы своего рассмотрения моральный аспект, проблемы цены прогресса — как у Макиавелли. Для такого политика человек — винтик, человек — деталь социальной машины, «незаменимых человекодеталей у нас нет», человек — не цель, а средство общественного развития. Вот максимы, вот установки такого политика.

Нравственная политика — та, которая способствует развитию максимально возможной для данных условий самости человека,

его всестороннему универсальному развитию, развитию не в качестве детали, винтика социальной машины, а в качестве главного субъекта исторической практики. Нравственная политика — та, что видит в человеке не подданного, а гражданина, та, которая обеспечивает культурное, социальное, политическое развитие людей, что является условием действительной свободы. Иначе говоря, нравственная политика есть, по сути, синоним демократической и гуманистической политики. Иные политики заявляют, что эти призывы к максимальной минимизации насилия, к размышлениям о мере насилия, цене прогресса приведут лишь к снижению эффективности и результативности политики. Главное-де — это «интересы государства», а не судьбы отдельных индивидов. Это — *ненравственные политики*.

Другая крайность — *нравственные не-политики*, которые ставят вопрос так: пусть будет менее эффективно, пусть мы будем развиваться медленнее, но пусть будет больше гуманизма, человечности. Не за пять лет, так за десять — пятнадцать. Это другая крайность, но, я думаю, позиция опасная и ошибочная. Я думаю, что говорить о том, что моральная политика пусть будет, но будет менее эффективной, неверно. Моральная, нравственная политика, на мой взгляд, это самая эффективная политика. Когда мне, возражая на это, говорят: вот если бы мы коллективизировали крестьянство, проводили обобществление по нравственным принципам, следуя ленинским заветам — коллективизировать на базе примеров, пропаганды, убеждения — мы бы 20 лет коллективизировали, и при этом половина крестьян не пошла бы в колхозы. А так за 2 — 3 года провели сплошную коллективизацию. Вот эффективность политики! Ненравственной политики!». На это я хотел бы возразить: это псевдоэффективность, ведь именно безнравственность этой политики привела к тому, что наше сельское хозяйство впоследствии рухнуло. Объединенные палкой, дубиной, не ставшие реальными хозяевами колхозов, колхозники утрачивали заинтересованность в развитии сельского хозяйства. Соблюдение же ленинского завета с его ориентацией на нравственный пример, на убеждение дало бы гораздо больший эффект.

И еще в связи с этим. Один известный генерал на обсуждении странной телевизионной затеи — назвать имя, символизирующее лик России, отстаивал имя Джугашвили. И когда ему возражали, что перед войной была уничтожена значительная часть командного состава армии, он сказал: «Товарищи, да, это было безнравственно, часто неправильно, но зато у нас не было пятой колонны». Понимаете? Уничтожили тысячи безвинных, но зато не было пятой колонны. Это очень опасный принцип. Ни одна пятая колонна предателей-

изменников не нанесла бы такого ущерба обороноспособности нашей страны, как лишение армии перед войной значительной части высшего и среднего командного состава.

Я хочу повторить: нравственная политика есть самая эффективная политика.

А теперь о нравственном не-политике. Я думаю, что подлинная, реальная, гуманистическая нравственность с необходимостью перерастает в политическое действие. Нравственный императив в современном обществе, нередко антагонистическом, расколотом на классы, сословия, интересы, не может не дорасти до политического выражения, иначе он становится абстрактным, дряблым, нереальным. В качестве примера хочу напомнить разговор двух братьев Карамазовых: сторонника абсолютного ненасилия, адепта Нагорной проповеди Христа Алеши и циничного Ивана. Когда Иван Карамазов рассказывает историю, как помещик затравил восьмилетнего ребенка собаками, Алеша вдруг побелевшими губами говорит: «Расстрелять!». Что это такое? Насилие? Политическое действие? Если вы, нравственные люди, хотите быть реальными гуманистами, быть реальными политиками, ваша нравственность должна дорасти до политического действия.

Повторим: наиболее эффективная политика — та, которая ограничена нравственностью. Вы скажете: ну, хорошо, вы выдвигаете тезис, что политика, ограниченная нравственностью, исповедует следующую идею максимальной минимизации насилия, но что это значит реально? Как определить это максимальное или минимальное? Невозможно дать механическое определение, определяют в каждой конкретной ситуации люди. И для того, чтобы они определили наиболее точно, нужны социальные условия, которые давали бы возможность участвовать в этом процессе нахождения наиболее эффективных решений многим заинтересованным в этом людям. Нужна подлинная демократия, которая обеспечивает большинству граждан возможность активного участия в этих процессах. Они могут ошибиться, но они же и поправят потом.

Принимая решение, нравственный, демократический политик будет размышлять над тем, как снизить цену, уплачиваемую за прогресс, как минимизировать ущерб для людей в ходе реализации принимаемых решений. У художника Белова есть портрет генералиссимуса в белом кителе с трубкой, на столе у него маленькие фигурки человечков, а около стола мусорная корзина, он небрежно смахивает их со стола, и они кувырком летят в эту корзину. Когда простой человек изначально выступает в качестве такой ничтожной величины («незаменимых у нас нет») — это одна постановка вопро-

са. И другая — думать, как минимизировать жертвы, как добиться победы с минимальными потерями.

«Вот почему, — говорю я моим юным друзьям, — нравственная политика не фантом, не утопия, не бессмыслица, но вполне реалистическое, возможное и желанное дело, хотя в нашу эпоху весьма трудноосуществимое. Но будьте политиками-реалистами, и одновременно высоконравственными людьми. Это трудноосуществимое сочетание, иногда почти невозможное. Но это не принципиально невозможно, это иногда может быть почти невозможно сегодня, но, благодаря вашей отчаянной смелости и самоотверженности, вашему таланту и умению сочетать политические и нравственные начала, станет возможным завтра. Не паникуйте, идите в политику! Делайте ее нравственной, насколько это возможно в нынешних условиях».

Попробуем сформулировать основные принципы нравственной, гуманистической политики.

Гуманистическая политика — это политика «с человеческим лицом».

Политический гуманизм — это не совокупность всем известных абстрактных «человеколюбивых» пожеланий. Это — стратегия социально-политической **деятельности**, которую можно (и нужно) назвать **реальным гуманизмом**. Это — не фразы, это, повторяю, деятельность, стратегия, направленная, в каждом своем шаге, на расширение пространства **свободы** человека, на расширение социального **равенства** людей, на их материальное благополучие, на их культурное развитие.

Гуманистическая политика — это политика подключенности **каждого** человека к участию в решении вопросов развития своей страны, своего общества. Это — то, что может быть названо политической «**стратегией горизонтали**». «Стратегия горизонтали» является стратегией, способствующей становлению и развитию институтов и структур гражданского общества. Это — стратегия мобилизации усилий не только чиновничьего мира, но и всего общества (на всех уровнях). Гуманизм этой стратегии раскрывается в полной мере в том, что люди перестают быть бессловесными и мало что значащими винтиками в социальной машине, управляемой бюрократией, перестают быть только исполнителями начальственной воли, они становятся **деятелями и творцами**. И тем самым реализуется то, что составляет важную часть человеческой сущности. Следует только добавить, что стратегия горизонтали вовсе не должна *противостоять* «стратегии вертикали». Она должна дополнять ее: Вертикаль способна обеспечить «диктатуру закона», а Горизонталь — участие

граждан в выработке этих законов и в массовом контроле за их исполнением.

Гуманистическая политика — это политика сокращения рабочего времени и роста свободного времени, и на основе этого — расширения пространства Свободы для каждого индивидуума. Рост свободного времени людей и наполнение его богатым культурным содержанием — вот одна из главных черт политики Реального Гуманизма.

Гуманистическая политика — это политика, обеспечивающая все основные свободы человека, политика идеологического плюрализма и самой широкой демократии.

Гуманистическая политика — это политика нового, глобального мышления, заменяющая классовые критерии общечеловеческими, политика, направленная на кооперацию, объединение Человечества при сохранении национальной идентичности и уважения к истории и культуре каждой страны, каждого народа. Гуманистическая политика на международной арене — это обеспечение единства разнообразного, это многополюсный мир.

Гуманистическая политика — это политика, заботящаяся, в первую очередь, не о «будущих поколениях» (как о том лицемерно говорилось во времена «реального социализма», который на деле социализмом и не был), а о ныне живущих поколениях. И только свободно живущие и экономически процветающие нынешние поколения способны обеспечить благоприятную преемственность для поколений будущих. Ни одно поколение не может быть «навозом», удобряющим историческую почву для неких будущих поколений.

И еще один важный аспект анализируемой проблемы: *политика* только тогда имеет шанс стать *гуманистической, нравственной политикой*, когда она налаживает равноправное сотрудничество с социально-политической Наукой. Этот аспект столь важен, что требует особого, несколько более подробного разговора.

Политическая наука, государство и гражданское общество

Существует стереотип, касающийся понимания взаимоотношений политической власти и политической науки. Стереотип этот сложился в те времена, когда у нас была одна партия, одна (на всех) идеология и одно, «единственно верное», учение. Суть его: политическая наука — нечто такое, что призвано *обслуживать* политика, а ученые, ею занимающиеся, — нечто вроде интеллектуальной челяди политика, его обслуживающего персонала. На официальном языке это называлось — быть «приводным ремнем» или еще красивей — «быть боевым помощником» партии. Высокопоставленные поли-

тики из ЦК и Политбюро постоянно «озадачивали» ученых — что именно им нужно исследовать и как нужно это делать.

Сегодня по-видимому социально-политическая ситуация изменилась: плюрализм, многопартийность, свободы... Однако трепет перед политиком, желание послужить и прислужить ему во многих научных сердцах и душах остались. Сегодня довольно распространен образ представителя политической науки как существа низкооплачиваемого, маловлиятельного, к которому крупные действующие политики относятся с нескрываемым пренебрежением...

И если это так (а я думаю, что именно так!), то значит все мы еще ТАМ — в той системе, которую мы так энтузиастически и так беспомощно хотели перестроить. Значит, мы — общество, по-прежнему, по сути, лишенное политической Науки (которая заменена у нас своими суррогатами — политическими идеологиями и политическими технологиями). Если же желать всерьез и надолго строить демократическое (а значит — **гуманное**) общество, то взаимоотношение Политики и Науки, Политика и Ученого должно быть принципиально иным. Каким? Выяснение этого тем более необходимо, что место, роль и значение политической науки в жизни конкретного общества особенно наглядно характеризует его социальный строй. В общем, скажи мне, какое место занимает наука в социально-политическом процессе твоей страны, и я скажу, какой общественный строй в твоей стране.

Начнем ответ на поставленный выше вопрос с констатации того, о чем политические теоретики говорили еще со времен Платона и до наших дней — о том, что политика есть процесс согласования интересов социальных групп, слоев, классов в социуме при посредстве такого инструмента, как государство, обладающее правом легитимного насилия... Но пространство, где рождаются эти интересы, где они сопрягаются или сталкиваются, — это, как известно, пространство так называемого гражданского общества. Согласовывать же эти интересы граждан, вырабатывая приемлемую для большинства программу социальной деятельности и передавая проблематику этих сталкивающихся интересов в политические сферы, можно двумя разными способами (и с разными, в итоге, результатами).

Первый — это когда каждая социальная (большая или малая) группа, вступая на путь такого согласования, стремится добиться такого общего решения, в котором бы ее групповые, корпоративные интересы получили приоритетное, преобладающее значение. И это нормально. Нормально и то, что ее групповые интересы выражаются, аргументируются и пропагандируются в программных документах организаций, именуемых политическими партиями. Такого рода теоретические построения, отражающие интересы отдельных

социальных групп, называются политическими *идеологиями*. Они могут быть «буржуазными», «пролетарскими», «крестьянскими» и т.п.

Есть и другая сфера интересов. Ее обозначил один знаменитый политик, которого принято считать «идеологом пролетариата». Этот политик сказал однажды фразу, просто потрясшую его «верных учеников», фразу, от которой они постоянно приходили в растерянность и которую, будь их воля, они бы каленым железом выгнали из наследия своего Учителя. Но слово было сказано, и слово удивительной глубины и теоретической смелости (учитывая жесткую, постоянно подчеркиваемую, классовую определенность политика): «Интересы общественного развития выше интересов пролетариата!» Это — Ленин. И эта констатация дорогого стоит! Да, есть интересы пролетариата, да, есть интересы буржуазии. Но есть и еще нечто, что выше их, — это интересы *всего* общества, интересы общественного развития *в целом*, интересы не просто пролетария, интеллигента, крестьянина, мелкого буржуа, но интересы **Человека вообще** — здесь, в такой постановке вопроса находятся подлинные корни **Гуманизма**.

И если это верно (а я думаю, что это абсолютно верно), то, наряду с идеологическими построениями, должна существовать теория, которая бы и определяла эти интересы «общественного развития в целом». Тем самым, говоря высоким (но очень точным) гегелевским языком, она определяла бы Истину социального бытия, его Законы.

Владыки, вам венец и трон
Дает закон, а не природа.
Стоите выше вы народа
Но, вечный, выше вас Закон!

Вот эта теория и должна выразить тот Закон, который выше государей, социальных классов и политических партий. А теория, устанавливающая подобные Законы, называется, как тоже известно, Наукой.

Таковы первые, методологические, предпосылки моего анализа.

Первая: политическая наука, призванная, прежде всего, осмысливать интересы *гражданского общества*, является, в первую очередь, *инструментом гражданского общества*.

И вторая: политическая наука, имеющая задачу выразить интересы общественного развития в целом, открыть *законы* социального бытия, — внепартийна и надпартийна. «Партийная», «классовая», «сословная» наука — не наука.

То, что политическая наука — Инструмент **гражданского общества**, должно быть в полной мере осознано как самой политической наукой, так и, в особенности, гражданским обществом. Ибо из этого осознания следуют весьма существенные и далеко идущие выводы.

Так, если политическая наука — инструмент гражданского общества, то общество и доминирующие в нем политики должны озаботиться тем, чтобы инструмент этот находился в отлаженном состоянии, должны озаботиться оказанием ему всемерной поддержки — моральной, материальной, организационной.

Уже и сегодня в рамках гражданского общества общественно-инициативным путем создаются самоуправленческие научно-общественные организации. И гражданское общество заинтересовано в том, чтобы деятельность этих организаций строилась не только на энтузиазме их членов. На энтузиазме можно *начать* действовать, можно сделать первые шаги, но успешно и стабильно развиваться можно лишь при условии *материальной и финансовой поддержки*. Это — особый и долгий разговор. Затрону лишь некоторые аспекты проблемы.

Предложение о необходимости увеличения в бюджете статей расходов на науку лежит, что называется, на поверхности. И оно, конечно, оправдано: нынешние отчисления во многих странах СНГ, как правило, невероятно малы. Но сегодня я хотел бы обратить внимание вот на какую сторону проблемы. Сколько бы — много ли, мало ли — ни планировалось выделить средств на науку, их следовало бы распределять следующим образом: половину выделенных на науку бюджетных средств передавать государственным структурам, другую половину — *общественным структурам, научным организациям гражданского общества, возглавляемым самоуправленческими институтами*.

Меня могут спросить, с подозрительным прищуром: вы что же, предлагаете отделить Науку от Государства? Отвечаю: в определенной степени — да! А почему это должно смущать? Нас же, слава богу, уже не смущает, что значительные сектора экономической деятельности отделены от государства и регулируются механизмом рыночных отношений. Так пусть же гражданское общество потребует, чтобы часть бюджетных средств, выделяемых на науку, не проходила через руки государственной бюрократии, а поступала непосредственно в распоряжение общественных организаций. Ну, пусть это будет, например, какая-нибудь Кооперация ученых, чье демократически избранное руководство (под контролем общественных советов) сможет, конечно же, использовать выделенные средства с несравненно большей эффективностью, нежели государственно-бюрократическое ведомство.

И еще одна идея, связанная с осознанием того, что все существующие научные институты, вузы и школы — это собственность гражданского общества, доверившего государственным структурам распоряжаться этим богатством. Живя многие десятилетия в тоталитарном государстве, мы привыкли к тому, что вся научная и учебно-образовательная деятельность целиком и полностью направляется и контролируется государственными структурами. Мы привыкли считать, что вся материально-финансовая база НИИ, вузов и школ, их аудитории, кабинеты, оборудование и т.п. — есть безраздельная собственность государства и что только государственная бюрократия имеет право распоряжаться всем этим богатством, что только она имеет право определять учебно-образовательные стандарты, вырабатывать планы и определять перспективы научного развития страны. При этом забывают, что вся эта материальная база изначально и по сути своей — собственность гражданского общества, коллективная собственность граждан (созданная их деятельностью, поддерживаемая и развиваемая их налоговыми отчислениями) и лишь переданная в управление государственным структурам. Конечно, сегодня без *государственного* управления здесь не обойтись. Но оно не должно быть тотальным. Не наступило ли время, когда государство должно «поделиться» с гражданским обществом, вернуть гражданскому обществу часть этого богатства и передать ее в непосредственное распоряжение гражданского общества? Пусть будет, так сказать, «обязательная», государственная, программа, но пусть, наряду с ней, будет и «произвольная» (определяемая научным сообществом, той самой Кооперацией ученых). Конечно, и сегодня многие наиболее, так сказать, продвинутые и возглавляемые толковыми и дальновидными руководителями научные и учебно-образовательные структуры понимают эту задачу и предоставляют свои материально-организационные возможности в распоряжение организаций и объединений гражданского общества. Но важно перевести такого рода деятельность из сферы благотворительности, из сферы доброй воли в сферу Закона. И тогда, получив хоть какую-то материальную основу для своей деятельности, другим, более свободным и более самостоятельным голосом заговорит Наука.

В общем, основная мысль моя состоит в том, что Политическая Наука, осознав себя институтом *гражданского общества* и в *этом качестве* получив определенную материально-финансовую базу для своей деятельности, сможет выступить на общественной арене уже не в качестве обслуживающего персонала политиков и государственных чиновников, а в качестве **равноправного им соавтора по формированию и развитию социально-политической системы, системы демократической и гуманистической.**

* * *

Каковы, спросим в заключение, шансы на понимание, принятие и реализацию высшим политическим руководством такого типа идей и программ? «Понимание» — весьма возможно. Что же касается реализации, то ведь это предмет серьезной общественной борьбы. В известной (даже программной) статье «Россия, вперед!» Д.А. Медведева есть по поводу возможностей осуществления подобных мер одна знаковая фраза (весьма точно характеризующая нынешнюю ситуацию): «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимających “предпринимателей”. Они хорошо устроились. У них “все есть”. Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его». Эти «влиятельные группы» не какие-то незначительные маргинальные образования. Это, действительно, «влиятельные» группы, хорошо сплоченные вокруг своего общего сословного интереса. Без борьбы, и борьбы жесткой, они своих позиций не уступят. Чтобы сломить их сопротивление, у политических руководителей, претендующих на миссию реформаторов, должна быть мощная, сочувствующая им и объединенная ими социальная база, весомые организации партийно-политических единомышленников и серьезные, вполне подвластные им административные рычаги. Я думаю, что все это не под силу нынешней власти (даже если там возобладают серьезные «реформаторские идеи»). Поэтому реализация подобных программ в обозримом будущем для меня, к сожалению, крайне сомнительна.

Но тогда зачем, спросит читатель, вы формулируете свои идеи, выдвигаете свои программы, если не слишком верите в возможность их реализации нынешней властью? Отвечаю: я выдвигаю их потому, что помимо власти, есть еще народ, есть народное сознание, есть гражданское общество, на которое не грех как следует поработать. В нем наша главная надежда на все возможные типы модернизации.

Аннотация

Статья посвящена проблемам модернизации социально-политической системы современной России. Рассматриваются причины нарастающих застойных явлений в политической жизни и способы их преодоления. Обращается внимание на зависимость снижения уровня демократии от роста материального и социального неравенства граждан. Совершенствование политической системы автор связывает с перспективой превращения политики в «нравственную политику», со все большим проникновением морали в политическую

деятельность. Рассматривается необходимость нового типа взаимоотношений между политикой и социально-политической наукой.

Ключевые слова: социально-политическая модернизация, децильный коэффициент, нравственная политика, гражданское общество, политическая наука.

Summary

This article is devoted to the problems of modernization of the socio-political system of modern Russia. The author considers the reasons of growing stagnation in the political life and the ways to overcome them. Attention is drawn to the dependence of decrease in the level of democracy on increase in the material and social inequality of citizens. The author relates improvement of the political system with the transformation of politics into the «moral politics», with the increasing penetration of morality into politics. The paper examines the need for a new type of relationship between the politics and the social and political science.

Keywords: social and political modernisation, decile ratio, moral politics, civil society, political science.